

У Бай Шу было четыре жены, помимо старшей жены, принцессы Чанпин, которая имела официальный титул, остальные три жены также происходили из знатных семей, самая скромная из них была дочерью начальника округа. Бай Нянь и её второй брат, Бай Цзи, были детьми второй жены, госпожи Линь. Этот Бай Цзи был известен в Столице, но его известность была связана не с ним самим, а с его женой.

После совершеннолетия Бай Цзи, следуя указаниям старших, женился на дочери цензора Лю Иньчжи, Лю Мянью. Эта Лю Мянью была весьма интересной личностью, одной из самых талантливых женщин в Столице, которая любила соревноваться в стихах и эссе.

Говорят, что в ночь их свадьбы, как только Бай Цзи снял с неё покрывало, Лю Мянью с улыбкой достала кисть и предложила ему соревнование в составлении парных фраз. Тот, кто не сможет составить пару, должен был во всём подчиняться другому. Естественно, Бай Цзи не смог пройти и трёх раундов и проиграл.

Но он был настоящим джентльменом и с тех пор действительно подчинялся Лю Мянью во всём, что стало городской легендой.

В государстве Ин не было понятия, что мужчины важнее женщин, и это касалось всех — от императорской семьи до простых людей. В нынешнее мирное время Бай Цзыцин в прошлой жизни говорил, что больше всего ценит эту простую и честную атмосферу, но теперь он больше всего боялся именно этого.

Именно потому, что люди были простыми и добрыми, их было легко использовать недобросовестным личностям.

Бай Цзыцин помнил, что в то время, когда он был вынужден умереть, на границе происходили беспорядки. Хотя эти события должны были произойти только через шесть-семь лет, такие дальновидные люди, как Бай Шу, уже начали тайно обдумывать это.

По сравнению с Бай Шу, Бай Цзыцин, проживший жизнь заново, беспокоился не только о проблемах на границе. Его больше волновало, кто именно стоял за сценами, подталкивающими его судьбу и бросавшими камни в него и его семью.

Говоря о том, почему он умер так трагично, это было связано с обвинениями в измене, но учитывая, что Бай Шу был безупречно преданным, даже отправляя своего сына во дворец, кто мог поверить, что Ин Цань не намеренно давил на дом Бай?!

Шум за окном кареты становился всё громче, и Бай Нянь, возбуждённая, изо всех сил тянула Бай Цзыцина за рукав, чтобы вернуть его к реальности.

— Остановитесь здесь.

Бай Цзыцин вышел из кареты первым, затем помог Бай Нянь сойти и крепко взял её за руку, войдя на рынок.

Хотя за ними следовали слуги, Бай Цзыцин всё равно чувствовал беспокойство. Воспоминания из прошлой жизни были неоспоримым фактом, и он не знал, сможет ли он что-то изменить, или же его действия только ухудшат ситуацию.

На главной улице проходило мероприятие, которое устраивали каждое пятнадцатое число, и в этот день как раз был храмовый праздник в Храме Цзиньхуа. Уже с утра было шумно, а к вечеру толпа стала ещё более оживлённой.

В прошлой жизни Бай Цзыцин не любил шумные места, кроме изысканных собраний с талантливыми людьми Столицы, где они любовались картинами и сочиняли стихи. Такие ситуации, когда он оказывался в гуще толпы, были ему незнакомы.

Бай Нянь тянула Бай Цзыцина туда, где было больше всего людей, то прося купить ей сахарные яблоки, то желая приобрести глиняные фигурки.

Бай Цзыцин улыбался, во всём потакая ей, позволяя ей тянуть его за собой. Когда они подошли к лотку с бумажными вырезками, Бай Нянь снова заговорила, и Бай Цзыцин понял, что у него закончились деньги.

Обычно, когда они выходили гулять, за оплату отвечали слуги. Но в толпе они потерялись, и хорошо, что Бай Цзыцин на всякий случай взял с собой немного денег, но теперь их не хватало даже на сахарные яблоки.

Бай Нянь тоже понимала, что её чрезмерное увлечение играми привело их к такому положению, но ей очень хотелось получить бабочку из красной бумаги, и, обращаясь к Бай Цзыцину, её глаза наполнились слезами.

— Брат...

— Сияю, не плачь, я что-нибудь придумаю, — Бай Цзыцин присел на корточки, достал платок и вытер ей слёзы. — Ему было жаль сестру, и он понимал, как сложно в такой толпе найти слуг.

Он повернулся к старику, продававшему вырезки:

— Дедушка, моей сестре очень нравится эта вырезка, но я потерялся со слугами, и у меня нет денег. Можно ли взять её в долг, а завтра я заплачу вам вдвое?

Но старик покачал головой с улыбкой:

— Эта вырезка стоит всего несколько монет. Если вы действительно хотите её, попробуйте удачу у фонарей впереди, выиграйте пару монет и вернитесь ко мне.

Слёзы Бай Нянь мгновенно высохли, и она звонко произнесла:

— Мой брат точно выиграет! Дедушка, сохраните для меня эту бабочку!

— Хорошо, обязательно сохраню, — старик с улыбкой указал Бай Цзыцину направление, и он, обернувшись, увидел ещё более плотную толпу, окружающую лоток, откуда время от времени раздавались аплодисменты и возгласы.

— Молодой человек, хотите попробовать угадать загадки на фонарях? Если угадаете все, получите двадцать монет!

Едва Бай Цзыцин подошёл к лотку, как его схватил за руку помощник. Он встал на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть, и увидел, что на длинном деревянном стеллаже висели десятки фонарей разных форм.

— Да, мы хотим попробовать! — Бай Нянь, не успев даже вытереть нос, уверенно потянула за руку Бай Цзыцина.

Продавец, увидев перед собой высокого мужчину с аккуратно уложенными волосами, ясными глазами и белоснежными зубами, не мог отвести взгляда, особенно когда рядом с ним была

такая милая девочка. Он решил, что эта пара привлечёт больше внимания, чем предыдущие гости, и даже не взял положенные три монеты за участие, почтительно проведя их к лотку.

— Молодой человек, у вас есть время, пока сгорит половина палочки благовоний, чтобы угадать все пятьдесят фонарей и получить приз. Когда эта группа закончит, начнёте вы, будьте готовы.

Бай Цзыцин кивнул и сказал, что понял. Благовоние на столе ещё горело, а предыдущая группа уже подходила к концу, вызывая восхищение толпы.

Круг фонарей замыкался, возвращаясь к началу.

Бай Цзыцин, держа за руку Бай Нянь, просто поднял голову и увидел того человека.

Бай Цзыцин никогда не думал, что встретит его здесь.

Неизвестно, действительно ли загадки на фонарях были сложными, но Ин Цань, похоже, не заметил его. Под мягким оранжевым светом, с точки зрения Бай Цзыцина, его лицо по-прежнему было холодным и суровым, с ясными чертами.

Хотя он специально одел простую одежду, чтобы не выделяться, в Ин Цане всё равно чувствовалась аура высокого происхождения, которая заставляла окружающих держаться на расстоянии. Он сосредоточенно смотрел на фонарь, и в его глазах был мягкий свет, который делал его обычно холодное выражение особенно привлекательным.

Он с лёгкостью разгадал ещё одну загадку и слегка повернулся, открывая половину лица человека рядом с ним, что вызвало новый взрыв восхищения в толпе.

Бай Цзыцин, держа за руку Бай Нянь, спокойно ждал у стартовой точки, слыша все комплименты в адрес Фан Цзина. Он прекрасно понимал, что даже если бы Ин Цань был одет в простую белую одежду, его царственная аура всё равно была бы заметна. Но с Фан Цзином всё было иначе. Чем проще он был одет, тем больше выделялось его неземное лицо. Он шёл рядом с Ин Цанем, каждый его взгляд и улыбка были прикованы к нему, а на окружающих он не обращал внимания.

Фан Цзин происходил из бедной семьи, без каких-либо связей. Его положение было достигнуто не только благодаря его необычайной внешности.

Всё, что происходило во дворце, сводилось к борьбе за благосклонность. Все смотрели друг на друга свысока, подкалывая друг друга, сравнивая свои семьи. Фан Цзин был мишенью для всех, но на его лице не было и тени волнения, хотя Бай Цзыцину это было неприятно, и он часто заступался за него. Возможно, из-за своего детства Фан Цзин лучше умел сохранять себя. После того как Бай Цзыцин дважды помог ему, они стали чаще общаться. Они вместе пили чай и любовались картинами, пока после нескольких событий, когда Бай Цзыцин оказался в безвыходной ситуации, позиция Фан Цзина внезапно изменилась.

Вспоминая свои глупые поступки, Бай Цзыцин не сдержался и тихо засмеялся. Встретить этих двоих, самых знакомых ему людей, за пределами дворца, где они прошли мимо, как незнакомцы, было куда спокойнее, чем дворцовые интриги.

Видимо, храмовый праздник в Храме Цзиньхуа и ночной рынок были настолько известны, что даже Ин Цань вывел своего любимого человека из дворца и согласился толкаться в толпе ради игры с призом в двадцать монет.

Бай Нянь тоже услышала его смешок и, держа в руке сахарное яблоко, с недоумением посмотрела на Бай Цыцина:

— Брат, чему ты смеёшься?

<http://bllate.org/book/16479/1496697>